

Анатолий Контуш

Последние из нас

Ю. С. и остальным

Как к ней подступиться, не знал никто.

Невероятная и восхитительная, она казалась пришельцем из другого мира, недоступного простым смертным.

Непостижимо блистательная, она стояла в самом центре коридора, и все осторожно обходили ее, чтобы случайно не зацепить.

Бельгийская печка-буржуйка, сверкающая дореволюционным кафелем в нежных голубых узорах, опоясанная мощным крупновским уголком и неизвестно как пережившая все исторические потрясения двадцатого века, внезапно оказалась ненужной: в квартиру провели АГВ.

Те из нас, кто шел своим путем, спорил с начальством, прописывался в жилых вагонах и зимовал на холодных дачах, быстро узнали об этом. В течение короткого времени судьба печки была решена: ей предстояло переехать на неотапливаемую профессорскую дачу между шестой и седьмой Фонтана.

Мы собрались утром возле подъезда высокого четырехэтажного дома с балконами, эркерами и башенкой на крыше. Пришли все – Славик, Сережа, Ян, Алеша, Игорь, Федя, Леня, Женя, Вадик, Миня и, конечно, Юра: тогда, чтобы собрать всех, еще не нужно было созваниваться в течение полугода, уточняя даты трансконтинентальных перелетов. Был теплый майский день, пахло весной, и ласточки летали высоко над землей.

Мы потушили сигареты, поднялись по широкой мраморной лестнице с высокими ступеньками и остановились перед дверью последнего этажа. Юра позвонил, мы поздоровались, обступили

печку по трое с каждой стороны и взялись. «Ну, что, поехали?» – сказал Славик; мы взялись еще раз, но печка не шелохнулась. «И-раз!» – крикнул Юра; печка чуть качнулась, но не сдвинулась с места.

Нам понадобилось полчаса на то, чтобы вытащить ее на лестничную площадку; мы кричали «И-раз!», «И-два!», «И-три!» и даже «И-сто сорок четыре!», но это не помогало. Мы оставили печку возле двери и, обливаясь потом, спустились к окну перекурить.

Первый пролет мы преодолевали около часа, несколько раз уронив печку на ступеньки; одна из них треснула, и мы некоторое время с недоумением рассматривали черную линию на белой поверхности, не понимая, как это могло случиться. Когда печка наконец оказалась на площадке возле окна, мы дружно выпрямились, перевели дыхание и вернулись в квартиру выпить воды. Мы посидели несколько минут в просторной комнате с высоким потолком, оставили на столе запотевшие стаканы и снова отправились на лестницу.

Мы заметили, что Алеши нет с нами, только когда опять выстроились вокруг печки в четыре ряда. Еще минуту назад он сидел рядом, блистал эрудицией, читая свои афоризмы, и мы радостно улыбались, услышав «Мы еще увидим небо в приказах» или «Доколе, Катилина, ты будешь испытывать наши самолеты», а сейчас там, где только что был он, зияла пустота. Почти как тогда, когда его положили в областную больницу с распухшими лимфатическими узлами, и он до последнего дня был уверен, что выйдет оттуда. Мы помчались обратно в квартиру, обшарили все углы, выкрикивая его имя, но никого не нашли. Алеша исчез в поворотах темного коридора, пропал за древними книжными шкапами, растворился среди сотен пыльных томов с описаниями древнеримских сражений, французских армий и немецких линкоров.

Погрустнев, мы спустились на площадку к окну и снова взялись. Второй пролет неожиданно дался нам легче, чем первый. Мы лихо стащили печку вниз за какие-то двадцать минут, уронив всего лишь однажды, – правда, довольно серьезно. Лестница на этот раз не пострадала, зато от печки над самой ножкой, в месте схождения трех уголков, откололся кусок кафеля; Юра осторожно

подобрал его и положил на окно, чтобы подклеить потом. Время перевалило за полдень, было очень жарко, и мы сели отдохнуть на ступеньках перед квартирами третьего этажа. Печка стояла перед нами такая же роскошная, как раньше, и только маленький изъяз у самого пола напоминал о происшедшем.

Федю хватились быстро: он спускался справа от Славика, и тот сразу заметил, что рядом вдруг стало как-то слишком свободно, когда мы снова выстроились в каре. Мы бросились во двор, чтобы убедиться, что он случайно не сорвался вниз с двенадцатиметровой высоты, как в общежитии на Щепкина той ночью, но во дворе все было тихо: капала вода из крана, у стен сидели кошки, и голуби с любопытством смотрели на нас с карнизов. Мы поискали тут и там, заглянули в подвал и на черный ход, немного покричали и вернулись в парадное: Федя, умница, балагур и спортсмен, зачем-то улетел от нас навсегда в ясное одесское небо.

Те из нас, кто уклонялся от армии, работал монтировщиком сцены и жил в домах под снос, продолжили идти своим путем, хотя и не так резво, как раньше. Какое-то время мы не могли привести печку в движение: не то чтобы нас стало меньше, скорее у нас отяжелели мышцы, ослабели руки, и куда-то исчезла свежесть. Мы посидели на лестнице, поговорили о погоде и попробовали еще раз; печка медленно наклонилась, качнулась и пошла. Мы достигли следующей площадки, когда день был в полном разгаре, солнце палило изо всех сил, и жаркий воздух плыл над темно-красными крышами. Печка выглядела прилично: только на последней ступеньке мы зацепились за перила, отколов еще одну плитку в самом низу.

Высокое окно в старой раме было распахнуто настежь, и мы столпились вокруг, чтобы немного остыть. Те, кто постарше, Славик, Сережа и Ян, облокотились о подоконник, а остальные встали сзади, расстегнув мокрые рубашки. Несколько минут мы курили, рассказывали анекдоты и говорили о рыбалке, литературе и футболе; внезапный порыв ветра ударил рамой о стену, распугал голубей и бросил нам пыль в лицо, заставив вернуться к печке. «И-раз!» – привычно скомандовал Славик, печка приподнялась на несколько сантиметров, на мгновение застыла и вдруг повалилась на бок так стремительно, что Юра, Женя и Вадик

успели подхватить ее, только когда она уже врезалась в стену и заскользила по ней, оставляя на ступеньках россыпи штукатурки. «Игорь! Здесь же стоял Игорь!» – крикнул кто-то; мы огляделись – Игоря не было.

Мы отправились на поиски далеко не сразу: нам пришлось сначала выправить печку и затащить ее обратно к окну. Когда мы вышли на улицу, там не было никого, кроме нескольких прохожих и заблудившейся поливальной машины, которая на полную мощность поливала тротуар под налитым грозовыми тучами небом – почти как тогда, на Первомайские праздники сразу после Чернобыля, когда мы сидели в пустынном здании университета, придумывая одесских джентльменов, и поливальная машина старательно заливала тротуар под проливным дождем. Все весело шутили насчет стронция, а Игорь, дежурный по университету, озабоченно посматривал на серые крыши через окно: всего через несколько лет он будет умирать от рака в своей тесной квартире высоко над Дерibasовской, и нам уже будет не до шуток, когда станет ясно, что ничего сделать нельзя.

Те из нас, кто работал ночным приемщиком хлеба, ухаживал за стариками и интересовался нансеновским паспортом, остались на дачах еще на несколько лет, упорствуя в правильности своего пути. Следующий пролет мы преодолели в молчании, с трудом удерживая печку в равновесии: нам действительно стало тяжелее, и куда-то исчез кураж. Из сгустившихся за окном туч начал капать дождь; мы ухнули печку на мрамор второго этажа, не особенно заботясь о ее целостности, и не обратили внимания на брызги кафеля, разлетевшиеся кругом. Мы молча расселись вокруг печки на грязном полу, кто-то спустился в подъезд перекурить, и когда мы наконец встали, прикидывая, как вдевтером лучше взяться с четырех сторон, оказалось, что нас уже не девять, а восемь: Миня не вернулся наверх после перекура. О том, что нужно бросить курить, ему говорили постоянно, особенно после того, что случилось с Сашей, но он не придавал этому значения, улыбаясь и отшучиваясь, как умел только он – например, старым советским лозунгом «Завтра работать лучше, чем сегодня!» в своей собственной интерпретации: «Завтра работать лучше, чем сегодня, – значит, сегодня можно вообще не работать!».

Потом мы узнали, что его, улыбающегося, нашли на полу гостиной, хотя врачи давали ему еще год, но тогда нам оставалось пройти еще два пролета, и мы встали по двое с каждой стороны.

Молния сверкнула в первый раз, когда мы были на середине пути: ее отблеск промелькнул в пыльном окошке под потолком. Мы удержали печку, но в этот момент грянул гром, печка покачнулась, опрокинулась на перила и заскользила вниз. Мы остановили ее у самой площадки, вцепившись в холодные уголки и едва не вывернув пальцы. У нас дрожали ноги, когда мы опускали печку на пол перед последним пролетом; мы раскололи плиту у стены, прокляли все и свалились на мрамор, чтобы собраться с силами перед последним броском.

Наверное, я лежал на площадке с закрытыми глазами, положив голову на ступеньки, когда кто-то сказал, что пропал Ян. Теперь нас было слишком мало, чтобы сделать то, для чего мы собрались, но за окном уже бушевала гроза, и надеяться было не на кого. Мы с трудом поднялись, встали по двое, оставив в одиночестве Сережу, и только напряглись, как внизу скрипнула дверь, раздалися шаги, и женский голос прокричал: «А вашего-то нашли в морге без документов, только что по телевизору сказали!». Мы выбежали в подъезд, но там никого не было, только дождь падал стеной, надрывался гром и плакал ветер. Ян, остроумец, выдумщик и философ, тоже оставил нас, ничего не сказав на прощание; любитель ирландского виски и широких белых рубаш, он навсегда исчез из просторной квартиры над Мишей Водяным вслед за своей мамой.

Я не помню, как мы прошли последний пролет; помню только, что печку кидало из стороны в сторону, как при шторме, и что мы едва удерживали ее. Юра споткнулся, когда оставалось пройти две ступеньки; печка выскочила из наших рук, перевернулась, с грохотом упала на лестницу, скатилась на площадку перед дверью в подъезд, опрокинулась и замерла у стены. Мы спрыгнули за ней и остановились: от недосыгаемой бельгийской красавицы остались только несгораемый крупповский каркас и грудка бело-голубого кафеля посреди пола. Результат наших усилий невысоким холмиком возвышался перед последними из нас, и асимптота этого результата уходила в бесконечность плоской поверхностью,

ни на миллиметр не поднимаясь над остальным пейзажем. Те из нас, кто работал дворником, дежурил в детских садах и думал уезжать за границу, собрали документы, сложили вещи и уехали.

Гроза прошла; в центре подъезда стояла лужа, и ветер срывал капли с деревьев. Мы умылись под краном во дворе, попрощались на углу и разошлись в разные стороны. Юра прошел по Франца Меринга до Нового базара, спустился по Торговой до Щепкина, свернул на Артема напротив высокого дома с парадным слева от входа, купил две бутылки «Ркацители» в магазине на Короленко, остановил машину и поехал к старым казармам на проспекте Шевченко: там его еще ждали.

Одесса – Париж – Лион – Канны – Париж

